

ПОСТПРАВДА: ТЕХНОЛОГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ДИСКУРСА, МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

М. А. Вальковский

*Белорусский государственный университет,
ул. Кальварийская, 9, 220004, г. Минск, Республика Беларусь,
valk.1958@yandex.ru*

Рассматривается феномен постправды, причина широкого распространения которого, по мнению большинства исследователей, связана с развитием социальных сетей, где наблюдается перенасыщение тенденциозными нарративами и «альтернативными фактами». Вследствие этого объективные факты оказываются менее весомыми для общественного мнения в сравнении с эмоциями и персональными убеждениями. Различные аспекты данного явления в последние годы активно исследуются, тем не менее работ по противодействию данному феномену относительно мало. Автор статьи пытается восполнить этот пробел и выделяет основные направления противодействия постправде в соцсетях – от законодательных запретов и фильтрации трафика до создания качественного контента, переноса фокуса с конкуренции истин на процедуры объективного представления проблем.

Ключевые слова: постправда; фейковые новости; медиaprостранство; социальные сети; международная журналистика.

POST-TRUTH: TECHNOLOGIES FOR CONSTRUCTING DISCOURSE, COUNTERMEASURES

M. A. Valkovsky

*Belarusian State University,
9, Kalvariyskaya Str., 220004, Minsk, Republic of Belarus
Corresponding author: M. A. Valkovsky (valk.1958@yandex.ru)*

The phenomenon of post-truth is considered, the reason for the wide spread of which, according to most researchers, is associated with the development of

social networks, where there is a glut of tendentious narratives and «alternative facts». As a result, objective facts turn out to be less weighty for public opinion in comparison with emotions and personal convictions. Various aspects of this phenomenon have been actively studied in recent years, however, there are relatively few works to counteract this phenomenon. The author of the article tries to fill this gap and highlights the main areas of counteracting post-truth in social networks – from legislative prohibitions and traffic filtering, to creating high-quality content, shifting the focus from the competition of truths to procedures for objective presentation of problems.

Key words: post-truth; fake news; media space, social networks; international journalism.

На рубеже тысячелетий в медиасфере произошли кардинальные изменения, вызванные стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий, появлением новых платформ и субъектов. Эти процессы повлекли экспоненциальный рост объемов производства и потребления информации, обусловили тектонические подвижки и коренное изменение медиаландшафта. Одним из негативных следствий стало появление в медиасфере фейков, а также продуцирование постправды: т. е. на смену имманентно присущей журналистике оценочности и интерпретации фактов пришла их выдумка, подмена, подтасовка. Исследователи отмечают, что фейк и постправда вышли на новый уровень, приобрели небывалый масштаб вследствие специфики современного медиапроизводства, трансформации медиапространства [1, 2, 3].

Постправда стала одним из главных орудий информационной войны, трансформации общественного сознания в ходе информационно-психологических спецопераций.

В последние годы достаточно хорошо изучены предпосылки и механизмы данного феномена, его природа, угрозы и опасность для социума, также рассмотрены возможные направления противостояния.

В трактовке М. Линча постправда «связывает или указывает на обстоятельства, в которых объективные факты менее влиятельны в формировании общественного мнения, чем обращение к эмоциям и персональным верованиям» [4, с. 593].

Российские исследователи Н. Н. Кошкарлова и Н. Б. Руженцева отмечают, что «постправда – это такая деструкция и трансформация социальной и политической реальности, при которой происходит инверсия семантики происходящего, возникают когнитивные иллюзии, распро-

страняются «псевдоновости», создатель которых не несет за это никакой ответственности, а преследует определенные цели и коррелирует их с эмоциональным настроением целевой аудитории» [5, с. 51].

По мнению Ю. В. Шатина, механизмом и принципом построения текстов, в основе которых лежит постправда, становится не композиция, а диспозиция, когда каждая последующая часть не вытекает из логики предыдущей, а отдельные фрагменты (кадры) механически монтируются с другими, создавая иллюзию достоверности [6, с. 253].

Вследствие бурного развития соцсетей происходит размывание границ между журналистикой и нежурналистикой, усиливается влияние и взаимодействие медиа, политической и публичной повестки дня. При избытке информации для экономии усилий люди отдают предпочтение легкости и скорости ее восприятия и обработки. Это приводит к определенным когнитивным искажениям: аудитория верит тому, что нравится, созвучно ее взглядам и представлениям (порой достаточно аморфным), совпадает с собственной «картиной мира».

В этой связи Р. В. Жолудь сделал алармистский прогноз: «Журналистике в том виде, в котором она существовала до сих пор, в мире постправды места нет: ее функции просто не востребованы. Изменение же функционального набора приведет к исчезновению журналистики как феномена и социального института, трансформации ее в другие формы коммуникативной деятельности» [7, с. 122]. Этот тезис может быть оспорен, однако анализ феномена постправды как нового заметного явления в современном медиaprостранстве необходим в самых разных аспектах, в том числе и с точки зрения противодействия.

В ходе информационных войн и/или воздействия на носителей массового сознания постправда во многом стала возможной благодаря тому, что контент в соцсетях исключают какой-либо контроль со стороны общества и государства. В то же время сами социальные сети не в полной мере выполняют функции редакторов и регуляторов коммуникации, в ряде случаев игнорируют возможности поддержания принципов нейтральной и объективной подачи информации.

Эту роль вынуждено было взять на себя государство: решение проблем регулирования правоотношений в сети входит в число национальных приоритетов большинства стран. Концепция информационного суверенитета предполагает контроль государства над информационными потоками и распространением информации на своей территории, право самостоятельно формировать информационную политику независимо

от влияния извне. Подобные подходы в той или иной степени реализованы в ряде стран, включают большинство компонентов, сопряженных с информационной сферой, и предполагают заметное регулирующее присутствие в ней государства при верховенстве закона [8].

Так, в Германии действует принятый еще в 2017 году Закон «О мерах в отношении социальных сетей», который обязывает крупные сетевые платформы, такие как Facebook, Instagram, Twitter и YouTube, оперативно удалять «незаконный контент», признаваемый таковым по 22 разделам уголовного кодекса. Речь идет о широком круге высказываний, от оскорбления представителей власти до прямых призывов к насилию.

Закон «О кибербезопасности» принят в КНР для защиты национального киберсуверенитета и существенно ограничивает анонимность пользователей за счет введения требования об обязательной верификации для доступа к сети. Если пользователь не предоставляет реальные идентификационные данные, провайдер не имеет права открывать доступ к сети.

В марте 2022 года в Российской Федерации заблокировали некоторые соцсети: Тверской суд Москвы признал деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., экстремистской и запретил на территории России. Вместо них активно продвигаются российские аналоги. Наряду с запретами, делается ставка на информационное противодействие постправде, которое подразумевает не ее опровержение, презентацию своего варианта истины, а объективное представление проблем, привлечение авторитетных для аудитории экспертов, создание качественных журналистских текстов.

Бibliографические ссылки

1. *Гарбузняк А. Ю.* Феномен постправды: девальвация факта в медийном дискурсе // Государство и гражданское общество: политика, экономика, право. 2019. № 1. С. 184–192.
2. *Вальковский М. А.* Феномен фейка в современной цифровой медиасреде // Журналістыка-2018: стан, праблемы і перспектывы: матэрыялы 20-й Міжнароднага навука.-практ. канф., Мінск, 15–16 ліст. 2018 г. / рэдкал.: В. М. Самусевіч (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2018. С. 283–285.
3. *Вальковский М. А.* Дигіталізацыя медыясферы: тэндэнцыі і тренды // Слова ў кантэксце часу: матэрыялы IV Міжнароднага навука.-практ. канф., прысвечанага 90-годдзю з дня нараджэння д-ра філал. навук, праф. А. І. Наркевіча, Мінск, 14–15 сак. 2019 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: В. М. Самусевіч (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2019. С. 244–247.

4. Lynch M. STS, symmetry and post-truth // Social studies of science, 2017, vol. 47, no. 4, p. 593–599.
5. Кошкарлова Н. Н., Руженцева Н. Б. На пути к правде, ведущем ко лжи: феномен постправды в современной политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2019. № 1 (73). С. 50–56.
6. Шатин Ю. В. Постправда как риторический феномен в современном медиапространстве // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2020. Т. 19, № 6. Журналистика. С. 250–257.
7. Жолудь Р. В. «Эра постправды» в западной журналистике: причины и последствия // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2018. № 3. С. 117–122.
8. Вальковский М. А. Информационный суверенитет: прикладные аспекты и сравнительный анализ практик // Журналістыка–2019: стан, праблемы і перспектывы: матэрыялы 21-й Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 14–15 ліст. 2019 г. / рэдкал.: В. М. Самусевіч (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск: БДУ, 2019. С. 395–400.
9. Малькевич А. Как регулируется интернет в разных странах мира [Электронный ресурс]. URL: [https:// http://www.prisp.ru/opinion/1801-malkevich-o-regulirovanii-interneta-v-mire-1802](https://http://www.prisp.ru/opinion/1801-malkevich-o-regulirovanii-interneta-v-mire-1802) (дата обращения: 28.08.2022).